

«ПТИЦА» КАК СИМВОЛ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО И И. А. БУНИНА

Е. Ю. ПОЛТАВЕЦ
МГПУ, Москва

В статье предложен опыт литературоведческого и культурологического осмысления важного компонента и символа в текстах Л. Толстого и И. Бунина – художественной функции **птицы**. Комментирование орнитоморфных образов, восходящих к архаичной семантике, позволяет говорить о значимом образном коде птицы как системе, для понимания которой приводятся примеры из произведений разного периода творчества писателей.

Ключевые слова: Л.Толстой, И.Бунин, мотив птицы, образ птицы, миф, приметы пейзажа, символизация, орнитологическая атрибутика, деталь.

Мотив птицы – один из самых частотных в произведениях Бунина. Однако образы птиц, центральные или периферийные, на которые столь щедро поэзия и проза Бунина, отнюдь не всегда лишь свидетельство зоркости автора и его внимания к приметам пейзажа, чаще это и отсылка к мифу, да и к сакральной теме вообще. У Толстого упоминания о птицах встречаются гораздо реже, чем у Бунина, но «концентрация» эмблематического, а порой и мифологического смысла этих упоминаний чрезвычайно высока. Подобно «птице небесной» князю Андрею и «соколику» Каратаеву, Толстой и Бунин оба жили, оба творили, оба искали бессмертия и потому стали «птицами небесными». Ушли почти в один день – Толстой 7-го, Бунин 8-го ноября, Толстой на 83 году жизни, Бунин в 83...

«Биологическая» (Ф.Степун) память Бунина закономерно проявляется в значимости зооморфного кода произведений Бунина, орнитологического в первую очередь. Бунин любил птиц и терпеть не

мог рептилий. «Точка бифуркации» – момент разделения живых существ на летающих и ползающих – это, действительно, какое-то «смутное время» в теории эволюции. Бунин иногда подозревал, что «биологическая память» может быть свойственна и ящерицам. Не только ужи, наименование которых Бунин неизменно возводил этимологически к слову «ужас», но и «симпатичные», по словам А.Бахраха, ящерицы, вызывали у Бунина панику. «Вы их не знаете, – объяснял мне Бунин, – вы не думаете о том, что их предками были страшнейшие ящеры, какие-то там игуанодоны, картинки которых я с величайшим омерзением где-то недавно видел. Наверное, они сохранили инстинкт предков и только подрастут – черт знает что наделают!» – вспоминал Бахрах [2, с. 61].

Зато с птицей Бунин отождествлял свою натуру, а свою жизнь – с образом жизни птицы. В.Н. Муромцева приводит его запись: «Совсем, как птица, был я всю жизнь!» [14, с. 162]. Он в детстве был потрясен рассказом матери, что вороны «живут по несколько сот лет», запомнил слова отца, что ворон, увиденный однажды на дороге, может быть, «видел татарское нашествие» [14, с. 42]. Вот это память! В дневнике есть еще запись: «Сорочка со скребом когтей перебралась через потемневший от дождя забор из сада и пробежала мимо окна, улыбнувшись мне дружески, сердечно и замотав хвостом. Как наши души одинаковы!» [5, т. 8, с. 81].

В «Жизни Арсеньева» описана психологическая «птицетравма» – убийство героем грача. Мотив птицы сплетается с мотивом смерти, мотивами греха и покаяния. Но есть и страницы, посвященные лесу под названием «Заказ» (так назывался лес в Ясной Поляне), и дроздам, и вальдшнепу, счастливо уходящему от охотника в этом Заказе. В лирике Бунина мотив птицы занимает огромное место. Упоминаются, наверное, почти все породы птиц, встречающиеся в средней полосе России. По частоте упоминаний о птицах лирику Бунина, может быть, можно сравнить лишь с поэзией родственного ему (не только генетически, но и творчески) В.А. Жуковского. В работе Н.Ж. Ветшевой об орнитологическом тексте В.А. Жуковского убедительно показано, как «символизация орнитологической

атрибутики» воплощает «идею единства жизни с цветами и птицами и вечности искусства» [6, с. 113].

Орнитологический текст как Толстого, так и Бунина еще не прочитан мифопоэтически. Стихотворение Бунина «В степи» (1889), например, на профанном уровне вполне может быть воспринято как зарисовка осеннего пейзажа и как вариация на тему противопоставления: преданность родине – и кочевой (космополитический) образ жизни птиц. Журавль – птица, в мифологии устойчиво связанная с образом поэта. Но построение стихотворения, его сложный ритмический рисунок, упоминание журавлей и анаграммирование этого слова, повтор слов «кочующие птицы» – это приемы, заставляющие задуматься о связи этого текста не только с сюжетом об Ивиковых журавлях, встречающимся и в балладах Жуковского, но и с мифологическим значением журавлей как изобретателей магической т.н. «лабиринтной» пляски (исключительно сложного для непосвященных рисунка). Кроме того, мифологи отмечают роль журавлей в изобретении алфавита и связь с другими литературными тайнами. Так, например, «Гермесу приписывается изобретение алфавита после того, как он понаблюдал за полетом журавлей» [10, с. 265].

Стихотворение «Степь» (1912) перекликается со стихотворением «В степи» не только по названию. Ворон, герой этого стихотворения, в Библии – символ нераскаявшегося грешника, а в сказке он традиционно приносит мертвой и живой воды для оживления богатыря. У Бунина он занят, как и полагается ворону, поеданием падали. Стихотворение напоминает пушкинское переложение шотландской баллады «Ворон к ворону летит...». О шотландском подлиннике пишет М.Новикова: «Вещие птицы-вороны там пируют над телом убитого витязя, расчлняя его на части <...>. Этим они символически воспроизводят реальный ритуал, в ходе которого жертва (животная или человеческая) рассекается, а затем ее части отождествляются с элементами Космоса» [15, с. 347].

То же самое в стихотворении Бунина: «пьет глазки до донушка, Собирает по косточкам дань». Мотив ворона, таким образом, с древнейших времен связан с мотивом памяти и смерти. В

мифе ворон часто выступает медиатором между жизнью и смертью, верхом и низом, иногда считается родовым или фратриальным предком (ср. метафорическую характеристику отца как ворона в бунинском рассказе «Ворон»). И в мифе, и, соответственно, в произведениях Бунина «ворон имеет отчетливую хтоническую характеристику и фигурирует как птица, приносящая несчастье» [13, с.246]. Однако в стихотворении Бунина несомненен и акцент на ритуальном, а стало быть, воскрешающем значении ворона, ведь палингенесия (возрождение) немислима без ритуального спарагмоса (расчленения).

В некоторых произведениях Бунина орнитологический миф содержится эксплицитно, при этом только такой, в котором выявлена связь птицы с памятью (ритуалом) и смертью и/или возрождением. Кроме поэмы «Сапсан», это, к примеру, стихотворения «За гробом», где упоминается египетский «Ястреб-Гор», или «Птица», где «птица» – коранический символ всемогущества Аллаха, по воле которого ожила птица, вылепленная из глины Исой (Иисусом). В сонете «Гальциона» Бунину интересен не просто миф о верности друг другу дочери бога ветра Эола Гальционы и ее возлюбленного Кеика, превращенных в птиц, но и то, что Гальциона (птица зимородок) «была представительницей богини луны, которую чествовали во время двух солнцестояний как богиню Жизни-в-Смерти и Смерти-в-Жизни и которая в начале ноября <...> посылала священного царя на смерть» [10, с. 210]. У Бунина Гальциона – чайка, в соответствии с мифологической классификацией – птица «шаманская», как и все водоплавающие птицы, т.е. медиаторы между двумя стихиями, следовательно, между жизнью и смертью тоже.

Но вся эта мифологическая диалектика жизни и смерти меркнет перед страшным бунинским приговором Соколу, традиционно символизирующему доблесть и благородство, и все же связанному с загробным миром в египетской мифологии (Птах-Сокар – покровитель мертвых, изображавшийся в виде сокола, сидящего на погребальном холме). Вспомним, что у Толстого «соколиком» был Платон Каратаев, у Бунина же фамилию Соколович носит убийца, к тому же наделенный символическим именем «Адам» (в

непостижимом рассказе «Петлистые уши»). «Выродок» («вырождение» у Бунина, впрочем, не всегда является отрицательной характеристикой, как и «волчьи», т.е. «божьи» глаза), этот новый Адам чуть ли не в духе Пугачева пушкинской «Капитанской дочки» проповедует отказ от покаяния и привлекательность кровопролития (у Пушкина в сказке о птицах Пугачев противопоставляет ворона и орла, который, будучи традиционно, как и сокол, положительным символом, с точки зрения Гринёва, ничуть не лучше ворона, т.к. «пить живую кровь» равносильно питанию мертвечиной). Здесь есть даже мысль, неоднократно выражавшаяся Буниным в публицистике его, что человечество (Адам) в целом ниже зоологического, и особенно орнитологического населения Земли, никогда не убивающего ради убийства. С фамилией Соколовича соотносится и рассказ «Сокол» (1930), в котором у Бунина, вопреки ожиданиям читателя и традиционной установке на связь Сокола с героическим началом, называется «соколом» тупая и страшная баба, бессмысленно растаскивающая имущество помещичьих усадеб и не знающая, что с награбленным делать (обобщение результатов 1917 года, уничтожения культуры и, как следствие, одичания).

О.Пузырева справедливо замечает, что в цикле «Тёмные аллеи» «наблюдается постоянная соотнесенность внешности героинь с каким-либо зооморфным образом», например, в «Натали» – в соответствии с «архетипической зооморфной парой», Натали – белая лебедь, Соня – лягушка и летучая мышь [17, с. 77].

Еще интереснее почти достигающий обобщения «Чистого понедельника» рассказ «Руся», в котором мифологема огненного змия имплицитно в жутковатой детали – неожиданно вбегающий из сада чёрный петух «в большой огненной короне» пугает влюбленных. Петух в мифологии может породить василиска (последний имеет голову петуха и хвост змеи), но является и спасением от него. Мотив огненного змия и губительной любви получает развитие в «Чистом понедельнике», героиня же его, как и «Руся» в одноименном рассказе, символизирует Россию (имя «Маруся» может быть прочитано на французский лад – как «Ma Russe», по версии В.Легради – Г.А. Санто [12]). В той же работе

тонко прослежена символическая антитеза рассказа «журавли» – «ужи» (журавли убивают ужей), выражающаяся даже в палиндромности звукового облика слов (уж-жу). Символическим итогом рассказа, в таком случае, становится образ России, вбирающей в себя святость небесных созданий и низость хтонических существ. Герой же, расставаясь с Русей, символизирует судьбу автора, расставшегося с Россией. Есть и намек на интертекстуальную отсылку к «Войне и миру»: мать Наташи Ростовской – «с восточным типом лица», мать Руси – «с восточной кровью», и, наконец, красота героини «Чистого понедельника» на этом фоне закономерно определяется как «индийская, персидская». Но «восточные» штрихи в рассказе «Руся» подсказывают и прочтение антитезы «журавли» – «ужи» как мифореставрацию (термин С.М.Телегина [19]) борьбы птицы и змия, индийских мифологических существ – Гаруды и Нага. А в древнем Китае один из видов единоборства назывался «схваткой журавля и змеи».

Орнитоморфный код присутствует даже в публицистике Бунина. «Наша судьба вообще уже давно была связана с птицами. Вспомните-ка, в самом деле, каким страшным успехом пользовались у нас «Соколы и вороны», альбатросы, кречеты, «Синяя Птица», «Умиравший Лебедь», «Дикая Утка», «Чайка!» [1, с. 398]. Тут Бунин близок к мысли Н.И. Гнедича, который еще в 1825 году, в предисловии к своему переводу «Простонародных песен нынешних греков» выразил поразительное по пронизательности суждение, что «ни один из народов, которых словесность нам известна, не употреблял с такой любовью птиц в песнях своих, как русские» [9, с. 234]. И хотя Бунин касается орнитосемантики, связанной с зарубежной литературой, орнитосемантический код его мышления показателен.

Птица (гоголь, утка, гусь) является наиболее архаическим символом (еще финикийско-египетским) творца и возрождения, поэтому и медиатором, осуществляющим связь между бытием и небытием. Это особенно важно в народных загадках, являющихся реликтовой формой посвячительно-инициационных структур. Связь судьбы с птицами, о которых полушутливо говорит Бунин, – это уж

точно знак эсхатологического ожидания. Недаром так высока частота упоминаний о птице (и именно в связи с судьбой поэта) в творчестве другого поэта, в ту же бунинскую эпоху жившего и погубленного в России – О.Мандельштама. А ближайшим предшественником является самый знаменитый образ Руси-птицы-тройки в русской литературе, в финале первого тома поэмы Гоголя (он и сам птица, да еще какая – демиург!). Что же касается обычая гадания по полету птиц, то об этом хорошо сказал Г.Д. Гачев: «Мантика, гадание по полету птиц и их внутренностям – оттого и возможны, что полет птицы есть внутреннее сообщение в мире – едином живом существе. Ведь нам же понятно, когда рука указательным перстом направляет наш ум на что-то. То же самое полет птицы есть такой же указующий перст природы» [7, с. 324].

Указующий перст судьбы сказался в том, что стихотворение Бунина «Не видно птиц...» понравилось Толстому, еще ничего о существовании такого поэта не знавшему. Почему-то именно стихотворение, начинавшееся упоминанием о птицах, должно было открыть Толстому Бунина, хотя Толстой тогда фамилии поэта не запомнил.

Птицы, бабочки, пчелы – метафоры души в поэзии с незапамятных времен. «Птица небесная» – душа человеческая в Евангелии, «питание» ее – служение Богу. На этой новозаветной символической, такой важной в «Капитанской дочке» А.С.Пушкина, закодированы сцены умирания Андрея Болконского в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. Сверчок, чье веселое стрекотание слышит тяжело больной князь Андрей в Мытищах, – древний мифопоэтический символ покидающей тело души, такова же и символическая функция цикад, таких заметных в качестве лейтмотива творчества Бунина. Т.М. Бонами подчеркивает роль синэстетизма в поэтике Бунина [4]. В русле этих наблюдений добавим, что неумолкающее звучание цикад – звуковой образ напоминания о смерти, вернее будет даже сказать «чувства неотвратимости смерти» в произведениях Бунина.

Мифологема пчелы, такая значимая в творчестве Толстого и Фета, присутствует и в произведениях Бунина и имеет, в общем, ту

же семантику, что и птица-душа, с поправкой только на античные, зафиксированные у Платона представления о пчеле как об образе поэта. Поэтому пчелы («шмели») и «колосья» репрезентируют самого поэта перед судом Господа в стихотворении «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...». Колосья – потому что отсылают к мифологическому мотиву «мучения злаков» как метафоры смерти и перевоплощения (ср. балладу Р.Бернса «Джон Ячменное Зерно»).

Если Бунин отождествлял себя с птицей, то ведь и у Толстого в записной книжке есть запись о себе как о птице и вообще целая орнитотипология характеров. «Есть люди мира, тяжелые, без крыл. Они внизу возьтятся. <...> Есть люди, равномерно отращивающие себе крылья и медленно поднимающиеся и взлетающие. Монахи. Есть легкие люди, воскрыленные, поднимающиеся слегка от тесноты и опять спускающиеся – хорошие идеалисты. Есть с большими, сильными крыльями, для похоти спускающиеся в толпу и ломающие крылья. Таков я. Потом бьется с сломанным крылом, вспорхнет сильно и упадет. Заживут крылья, воспарит высоко», – записывает Толстой 28 октября 1879 года. Запись особенно важная, 28 число Толстой считал для себя знаменательным [20, т. 21, с. 272]. А в «Исповеди» Толстого человек сравнивается с выпавшим из гнезда птенцом. Смерть – уход из этого мира в вечность – возвращение в гнездо, радостное для временно покидавшего это общее всем убежище.

А.А. Фет свою веру называл «журавлиной». Толстой и Бунин, говоря словами современного исследователя, вырабатывали «из разных религий свою собственную религиозную теорию» [11, с. 344]. И очень большое место занимал и у того, и у другого образ птицы – той, которая в Евангелии названа «птица небесная» и о которой размышляет князь Андрей перед смертью. У Бунина словосочетание «птицы небесные» встречается как название одноименного рассказа, а также в рассказе «Беден бес» и в «Розе Иерихона», причем понимается в толстовском духе – как «освобожденная» душа.

В «Войне и мире» предсмертные размышления князя Андрея играют роль отчасти психофизиологическую. Толстой воссоздает в них свой вариант почти даосской «внутренней алхимии»,

медитативной практики «освобождения от трупа» (не исключено, что в названии бунинского трактата «Освобождение Толстого» слово «освобождение» несет и этот смысл). Превращение Болконского в «птицу небесную» убедительно доказано в работе Б.Бермана «Сокровенный Толстой» [3]. Добавим, что в «Розе Мира» Д.Андреева герой Толстого назван существом из мира «даймонов», крылатых, как и птицы, вестников. Даосская ода, разрабатывающая медитативную практику «освобождения от трупа», называется «Птица смерти» (168 г. до н.э., автор – поэт и мыслитель Цзя И). О христианском содержании концепта «птица небесная» (христианская душа) хорошо сказано у Новиковой: «Ведь и она после смерти человека улетает «в дальние страны» загробья. И она обитает в небесном мире, принося его в мир земной. И она есть «залог» и частица бессмертия в смертном существовании человека» [15, с. 262].

Память – важная составляющая внутренней алхимии. Удивительна память птиц, находящих дорогу к дому за сотни километров. Удивителен и сказочно-мифологический мотив языка птиц. Проповедь Франциска птицам всегда умиляла Толстого. Почему же птицам присущ какой-то особый язык? Язык птиц понимали герои – победители дракона. По Р. Генону, понимание языка птиц – «прерогатива высокого посвящения». «Победа над драконом своим следствием имеет тотчас же даруемое бессмертие, символизируемое каким-либо предметом, доступ к которому сторожил дракон. А это стяжание бессмертия по сути своей подразумевает воссоединение с центром человеческого состояния, то есть с точкой, откуда устанавливается связь с высшими уровнями бытия. Именно эта связь олицетворяется способностью понимать язык птиц» [8, с. 80]. Убийство дракона – это тоже символ, и здесь подразумевается победа над злым началом в себе самом. Так, способность понимать язык птиц есть не что иное, как результат очищения души, переход ее в бессмертную сущность, что и происходит с Андреем Болконским в его последние дни на земле.

В путевой поэме (или серии очерков, как иногда называют бунинский цикл «Тень птицы» [16]) автор стремится проделать в земном, жизненном еще своем пространстве то путешествие души,

которое прodelывает душа в иномирном бытии, отлетая. Не только на благодать, даруемую тенью птицы Хумай, надеется он. В бунинской поэме упоминаются и Сфинкс, и Феникс, и пирамиды – хранители времени, т.е. наиболее древние из известных человечеству символов вечности. Образ константинопольской синтетической Ая-Софии у Бунина выстроен так, что служит напоминанием о его, Бунина, собственной экуменической религиозной теории. Как отмечает Р.С. Спивак, Бунину в его религиозном чувстве ближе всего был толстовский вариант веры и не «конфессиональная сторона», а «сама древность веры» [18, с. 464].

Стихотворению «За гробом» Бунин предпослал эпитафию из египетской Книги мертвых. «Я не тушил священного огня». Эта фраза в Книге мертвых соседствует с упоминанием Феникса, символа возрождения. «Я чист. Я чист. Мои чистые жертвоприношения – чистые приношения великого Феникса». Египетский Феникс, сгорающий и возрождающийся, – прообраз христианской «птицы небесной», как и многие другие христианские концепты, восходящие к древнеегипетским мистериям. Восток – признанная духовная прародина христианства, что и влекло Бунина. Но может быть, впервые в истории человечества в словах Книги мертвых о Фениксе сформулирована идея о том, что преодолеть страх смерти сможет лишь тот, на ком нет греха, тот, кто чист, кто не гасил священного огня. Это и есть та «психотехника умирания», доступная, по Бунину и Толстому, лишь высоким душам, «птицам небесным».

Литература

1. *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004.
2. *Бахрах А.В.* Бунин в халате. М.: Согласие, 2000.
3. *Берман Б.И.* Сокровенный Толстой. М.: Гендальф, 1992.
4. *Бонами Т.М.* К поэтике рассказов И.А.Бунина (Функциональное значение звуковых и музыкальных образов) // И.А.Бунин и русская литература XX века. М.: Наследие, 1995. С.85-94.
5. *Бунин И.А.* Собр. соч. в 9 т. М.: ТЕРРА, 2009. Т.8.
6. *Ветшева Н.Ж.* «Опять вы, птички, прилетели...»: орнитологический текст В.А.Жуковского (на материале лирики) // Жуковский и время. Томск: Издательство Томского университета, 2007. С. 107-117.
7. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
8. *Генон Р.* Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002.
9. *Гнедич Н.И.* Сочинения. Т.1. СПб., 1884.
10. *Грейвс Р.* Белая богиня. М.: Прогресс-Традиция, 1999.
11. *Карпов И.П.* Религиозность в условиях страстного сознания // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1994. С.341-347.
12. *Легради В. – Санто Г.А.* «Маруся» или «Ma Russe»? (Наблюдения над рассказом И.Бунина «Руся») // *Dissertationes Slavicae*. XV. Szeged, 1982. С.129-135.
13. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.1. М.: Советская энциклопедия, 1991.
14. *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989.
15. *Новикова М.* Пушкинский Космос. М.: Наследие, 1995.
16. *Пращерук Н.В.* «Тень птицы» И.Бунина. Концептуализация времени и проблема жанра.// И.А.Бунин и русская культура XIX-XX веков. Воронеж: Квадрат, 1995. С.56-58.

17. *Пузырева О.Г.* Религиозно-философское значение зооморфной символики в произведениях И.А.Бунина // Русская литература за рубежом. М.: ГИРЯ, 2005. С.77-87.
18. *Спивак Р.С.* И.А.Бунин в интерпретации русского литературоведения 1990-х годов. // Литературоведение на пороге XXI века. М.: Рандеву - АМ, 1998.
19. *Телегин С.М.* Ступени мифореставрации. Из лекций по теории литературы. М.: Компания Спутник, 2006.
20. *Толстой Л.Н.* Собр. соч. в 22 т. М.: Художественная литература, 1978-1985. Т.21.

References

1. *Baboreko A.K.* Bunin: Zhizneopisaniye. M.: Molodaya gvardiya, 2004.
2. *Bakhrakh A.V.* Bunin v khalate. M.: Soglasie, 2000.
3. *Berman B.I.* Sokrovennyy Tolstoy. M.: Gendal'f, 1992.
4. *Bonami T.M.* К poetike rasskazov I.A.Bunina (Funktsional'noye znachenie zvukovykh i muzykal'nykh obrazov) // I.A.Bunin i russkaya literatura KHKH veka. M.: Naslediye, 1995. S.85-94.
5. *Bunin I.A.* Sobr. soch. v 9 t. M.: TERRA, 2009. T. 8.
6. *Vetsheva N.ZH.* «Opyat' vy, ptichki, prileteli...»: ornitologicheskiy tekst V.A.Zhukovskogo (na materiale liriki) // Zhukovskiy i vremya. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2007. S. 107-117.
7. *Gachev G.D.* Natsional'nyye obrazy mira. M.: Sovetskiy pisatel', 1988.
8. *Genon R.* Simvoly svyashchennoy nauki. M.: Belovod'ye, 2002.
9. *Gnedich N.I.* Sochineniya. T.1. SPb., 1884.
10. *Greyvs R.* Belaya boginya. M.: Progress-Traditsiya, 1999.
11. *Karpov I.P.* Religioznost' v usloviyakh strastnogo soznaniya // Yevangel'skiy tekst v russkoy literature KHVIII-KHKH vekov. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta, 1994. S.341-347.
12. *Legradi V. – Santo G.A.* «Marusya» ili «Ma Russe»? (Nablyudeniya nad rasskazom I.Bunina «Rusya») // Dissertationes Slavicae. XV. Szeged, 1982. S.129-135.

13. Mify narodov mira. Entsiklopediya. T. 1. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1991.
14. *Muromtseva-Bunina V.N.* Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu. M.: Sovetskiy pisatel', 1989.
15. *Novikova M.* Pushkinskiy Kosmos. M.: Naslediye, 1995.
16. *Prashcheruk N.V.* «Ten' ptitsy» I.Bunina. Kontseptualizatsiya vremeni i problema zhanra.// I.A.Bunin i russkaya kul'tura KHIKH-KHKKH vekov. Voronezh: Kvadrat, 1995. S.56-58.
17. *Puzyreva O.G.* Religiozno-filosofskoye znachenie zoomorfnoy simboliki v proizvedeniyakh I.A.Bunina // Russkaya literatura za rubezhom. M.: GIRYA, 2005. S.77-87.
18. *Spivak R.S.* I.A.Bunin v interpretatsii russkogo literaturovedeniya 1990-kh godov. // Literaturovedeniye na poroge KHKKHI veka. M.: Randevu - AM, 1998.
19. *Telegin S.M.* Stupeni miforestavratsii. Iz lektsiy po teorii literatury. M.: Kompaniya Sputnik, 2006.
20. *Tolstoy L.N.* Sobr. soch. v 22 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1978-1985. T.21.

**«Թռչունը»՝ որպես Լ.Ն. Տոլստոյի և Ի.Ա. Բունինի
ստեղծագործության խորհրդանիշ**

**Ե.ՅՈՒԲ. ՊՈՒՏԱՎԵՑ
MGPU, Մոսկվա**

Հոդվածն առաջարկում է Լ.Տոլստոյի և Ի.Բունինի տեքստերում թռչնի կարևոր գեղարվեստական ֆունկցիան՝ բաղադրիչի և խորհրդանիշի գրական և մշակութային նշանակությունը: Արխայիկ իմաստաբանությունից թվագրվող օրնիտոմորֆ պատկերների մեկնաբանումը թույլ է տալիս խոսել թռչնի՝ որպես համակարգի նշանակալի փոխաբերական ծածկագրի մասին, գրողների ստեղծագործություններից տարբեր ժամանակաշրջանների օրինակների հիման վրա:

Բանալի բառեր՝ *L. Տոլստոյ, Ի. Բունին, թռչնի մոտիվ, թռչնի կերպար, առասպել, բնապատկերի առանձնահատկություններ, խորհրդանշականություն, թռչնաբանական դետալ:*

**"Bird" as a Symbol in Creation
L. N. Tolstoy and I. A. Bunin**

**E. YU. POLTAVETS
Moscow City University, Moscow**

The article offers the experience of literary and cultural understanding of an important component and symbol in the texts of L. Tolstoy and I. Bunin - the artistic function of the bird. Commenting on ornithomorphic images dating back to archaic semantics allows us to speak about the significant figurative code of the bird as a system, for understanding which examples are given from the works of different periods of the writers' work.

Key words: *L. Tolstoy, I. Bunin, bird motif, image of a bird, myth, landscape features, symbolization, ornithological paraphernalia, detail.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 1 апреля 2020 г., подписана к печати в № 2 (115) 2022 27.06.2022.